

Культура. ПУШКИН КАК КНИГОИЗДАТЕЛЬ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Автор: В. И. НОВИКОВ

Россия вновь оказалась в границах "допетровского времени". Кажется, не только географически. Почти всюду приходится по-новому решать задачи, ранее представлявшиеся давным-давно разрешенными. Экономические проблемы уверенно заняли место в ряду российских "вечных вопросов".

Взаимоотношения творчества и рынка, на первый взгляд, непредсказуемы. Достаточно примеров того, что продукты "высокого вдохновения" переключаются из сферы "для немногих" в область "массовой культуры". Некогда залежавшееся на прилавках сегодня продается нарасхват. Стоит только просмотреть каталоги современных "карманных книжек", чтобы в этом убедиться. Но каково экономическое положение производителя "духовных ценностей"? Очевидно, далеко не блестящее. Наука и литература перестали быть престижными профессиями. Авторские гонорары не просто упали: они стали смехотворно мизерными. Подчас вообще ставится вопрос о правомерности авторского гонорара. Одновременно не подлежит сомнению наличие книжного рынка. В Москве все больше и больше открывается книжных магазинов: книгами торгуют везде - в театрах, концертных залах, универсамах, метро. Потребитель имеется, и он готов оплачивать духовный товар.

Стоит вновь бросить взгляд на то, как формировались в России взаимоотношения литературы и коммерции: это, без сомнения, поможет разобраться в сегодняшней ситуации и выправить ее. И на первый план опять выходит Пушкин как основополагающая фигура русской культуры.

Со школьных лет знакомы строки: "Не продается вдохновенье, Но можно рукопись продать". Эти слова воспринимались как декларация литератора-профессионала, требующего признания своей профессии в качестве общественно необходимой и могущей обеспечить ему существование. Но опять-таки они были произнесены спустя годы и годы после образования в России книжного рынка - пусть, на современный взгляд, достаточно архаичного. В известном очерке "Прогулки по Москве" (1811 г.) К. Батюшков писал: "Кто не бывал в Москве, тот не знает, что можно торговать книгами точно так, как рыбой, мехами, овощами и проч., без всяких сведений в словесности; тот не знает, что здесь есть фабрика переводов, фабрика журналов и фабрика романов и что книжные торгаши покупают ученый товар, то есть переводы и сочинения на вес, приговаривая бедным авторам: не качество, а количество! не слог, а число листов!" [Батюшков, 1977, с. 384]. Именно подобным состоянием книжной торговли Батюшков объясняет удручающе убогое состояние отечественной словесности.

Достаточно бросить беглый взгляд на иные сегодняшние книжные прилавки, чтобы констатировать существование и "фабрики переводов", и "фабрики романов". Изделия этих "фабрик" в лучшем случае не поднимаются выше среднего уровня. Да

Новиков Владимир Иванович - кандидат филологических наук, историк культуры.

другого и быть не может при торопливой работе и бесконечной погоне за деньгами. Ведь переводчику, чтобы прилично зарабатывать, надо одновременно переводить три-четыре книги, причем в сжатые сроки. При этом его труд оплачивается гораздо выше, чем труд оригинального литератора, *пишущего прозой*. Поэты же давно издают книги за собственный счет. Какое уж здесь качество!

По-современному звучат следующие строки заметки, подписанной К. Ш-в., из февральского номера "Вестника Европы" за 1815г.: "Состояние нашей книжной торговли достойно удивления или, справедливее сказать, жалости... но только в отношении к авторам. Ибо, судя по множеству книжных лавок в столице и по долговременному содержанию оных одними и теми же хозяевами, книжная торговля у нас не бесприбыльна" (цит. по [Гриц, Тренин, Никитин, 2001, с. 39]). Если не принимать во внимание источник и старомодный слог, то мысль сама по себе крайне злободневна.

В свете сказанного неудивительно постоянно повторяемые Пушкиным слова, что он "пишет для себя", а "печатается для денег". В то время это прозвучало очень смело. До Пушкина никто из пишущей братии не решался на подобное признание. Но Пушкин был человеком, одновременно парящим высоко в облаках и твердо стоящим на земле. В письме своему одесскому приятелю А. Казначееву от 25 мая 1824 г. он писал: "Ради Бога не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека. Оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость" [Пушкин, 1979, с. 71]. Через десять лет Пушкин повторил эти слова жене: "Я деньги мало люблю: но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости" [Пушкин, 1979, с. 393].

Надо отметить, что Пушкин просто констатировал существование проблемы, уже ставшей в повестку дня. Конечно, книгопродавцы и ранее платили авторам, но это не было узаконено и фактически зависело только от их доброй воли. Показательна история с альманахом "Полярная звезда" за 1825 г., выпущенным К. Рылеевым и А. Бестужевым. Этот альманах уже издавался в 1823 и 1824 гг. Книгопродавец И. Слепин платил за право издания Рылееву и Бестужеву, но ничего не платил авторам. У составителей возникла мысль "обратить предприятие литературное в коммерческое" и при следующем выпуске выплатить авторам гонорар. Они взяли издание в собственные руки. Слепин был крайне недоволен, потому что терял ощутимые выгоды. Ему удалось уговорить А. Дельвига составить новый альманах "Северные цветы" на прежних условиях - то есть оплата составителю и ничего авторам. Следует отметить, что Слепин вовсе не был "коммерческим разбойником", а достаточно образованным и искренне любящим литературу человеком. Его книжная лавка на Невском долгое время была любимым местом встреч литераторов "пушкинского круга". Он просто вел свои дела так, как считалось общепринятым.

Отсутствие оплаты литературного труда, с одной стороны, неизбежно снижало его качество у неимущих литераторов, а с другой - делало состоятельных литераторов дилетантами. Опять очевидная аналогия с нашими днями, когда преданный творчеству человек вынужден зарабатывать любым способом, а любимое дело становится для него своего рода хобби.

Волей-неволей великий поэт уделял большое внимание финансовой стороне литературной профессии. Положение литератора в России не могло не волновать его, и мысли были горькими. Он писал Рылееву в августе 1825 г.: "Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей?.. Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас граф Хвостов прожил на них. Там есть нечего, так пиши книгу, а у нас есть нечего, служи, да не сочиняй. Милый мой, ты поэт и я поэт - но я сужу более прозаически и чуть ли от этого не прав" [Переписка... 1982, с. 454]. Пушкин с негодованием вспоминал, что "Сумароков был шутком, у всех тогдашних вельмож" [Пушкин, 1978, с. 195], и противопоставлял последнему М. Ломоносова, который "умел за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов,

ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей" [Пушкин, 1978, с. 196].

Свой идеал Пушкин видел в Ломоносове. Но образцом для подражания последний служить не мог. Литература не была для Ломоносова основным занятием. Ему предназначались большие суммы как академику и статскому советнику. Прочие стихотворцы того времени в большей степени зависели от благоволения двора и вельмож; их торжественные оды оплачивались золотыми табакерками. Наоборот, для Пушкина независимость литератора была священна. Однако ее было необходимо "взять с боем". О "книгоиздательстве Пушкине" не принято много писать. Но ведь не кто иной, как Пушкин своей борьбой с книжным пиратством добился того, что в России был впервые поставлен вопрос об авторском праве и оно было узаконено как юридическая категория.

В декабре 1836 г. французский посол А. де Барант (известный литератор) обратился к Пушкину с письмом, в котором просил его как общепризнанного авторитета разъяснить состояние авторского права в России. Пушкин ответил: "Литература стала у нас значительной областью промышленности лишь за последние двадцать лет или около того. До тех пор на нее смотрели только как на изящное аристократическое занятие... Никто не думал извлекать из своих произведений других выгод, кроме успехов в обществе, авторы сами поощряли их перепечатку и тщеславились этим, между тем как наши академии со спокойной совестью и ничего не опасаясь подавали пример этого правонарушения. Первая жалоба на перепечатку была подана в 1824 г. Оказалось, что подобный случай не был предусмотрен законодателем. Литературная собственность была признана нынешним монархом" [Пушкин, 1978, с. 693].

Пушкин умолчал о том, что вышеуказанный эпизод был связан с перепечаткой без его ведома "Кавказского пленника" издателем Е. Ольдекопом. Этот последний занимался переводом и изданием на немецком языке произведений русских писателей. Но теперь оборотистый издатель сопроводил немецкий перевод подлинным текстом поэмы. Совершенно очевидно, что это стало всего лишь прикрытием грубого книжного пиратства. Первое издание "Кавказского пленника" имело большой успех. Вскоре должно было последовать второе. Прodelка Ольдекопа заранее свела на нет его финансовые выгоды. Друзья Пушкина восприняли все это как прямой грабeж. Жалобу в Санкт-Петербургский цензурный комитет подал по просьбе сына С. Пушкин, требуя, чтобы впредь нельзя было "печатать никаких сочинений сына его без письменного позволения самого автора" (цит. по [Гессен, 1930, с. 43]). В результате цензурный комитет был вынужден стать на сторону Пушкина, хотя и отметил в своем постановлении, что такой случай не предусмотрен его уставом и, следовательно, в данном случае прецедентов не имеется. Дело тянулось несколько лет безрезультатно для Пушкина. В июле 1827 г. он даже обращался за помощью к А. Бенкендорфу.

Поэт в сердцах писал всеильному "недремлющему оку" монарха: "Если ...допустить... что перевод дает право на перепечатывание подлинника, то невозможно будет оградить литературную собственность от покушений хищника" [Пушкин, 1979, с. 184]. Вся история имела большой резонанс, и, без всякого сомнения, мнение Пушкина как самого авторитетного и обласканного двором русского литератора было принято во внимание при формулировке статей нового цензурного устава 1828 г., касающихся авторского права. В нем было окончательно узаконено исключительное право русского литератора распоряжаться своими произведениями, приравняв их к "благоприобретенному имуществу".

Обращение Пушкина к Бенкендорфу не должно вызывать недоумения. III Отделение Собственной Его Величества Канцелярии - отнюдь не только лишь тайная полиция. Его функцией был высший политический надзор. Анализируя деятельность III отделения, современный исследователь приходит к выводу: "Оно стремилось действовать не репрессиями и запретами, а путем заключения своего рода негласного и неформального соглашения с руководителями периодических изданий, благодаря чему возникала возможность без особого нажима направлять их деятельность..." [Рейт-

блат, 2001, с. 133]. Как всегда в России, новый режим на первых порах стремился показать себя более либеральным и открытым, чем предшествующий; был опубликован доклад Следственной комиссии по делу декабристов, регулярно печатались реляции о ходе военных действий русско-турецкой войны 1828 - 1829 гг. Новый цензурный устав, законодательно закрепивший авторское право в России, всецело вписывался в систему подобных мероприятий. Н. Греч выражал общее мнение, утверждая, что благодаря этому уставу воскресла отечественная словесность. Пушкин был совершенно искренен, когда писал в знаменитых "Стансах":

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни.

Правительство оперативно отреагировало на требования времени. Во многом благодаря введению литературного процесса в законодательные рамки пушкинская эпоха вошла в историю как "золотой век русской литературы". Вторая половина XIX столетия не удостоилась столь же высокой оценки, несмотря на И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, и др. Великих имен стало больше, но это уже не было эпохой первых торжеств. Однако потребовался длительный "подготовительный период", и здесь поэт Пушкин и книгоиздатель Пушкин дополняют один другого.

На первых порах Пушкин шел по протоптанной тропе. Поэзия на книжном рынке не считалась ходким товаром; раскупались преимущественно переводные романы и мистическая литература. Первая поэма Пушкина "Руслан и Людмила" была издана Н. Гнедичем. Она имела большой успех, но находящийся в южной ссылке поэт почти не ощутил его результатов. Между автором и издателем (как тогда было принято) никакого определенного договора не заключалось. Издатель расплатился с автором незначительной суммой и книгами; надо сказать, что свою поэму, вышедшую в июне 1820 г., Пушкин увидел напечатанной только в марте следующего года. Подобное повторилось и с первым изданием "Кавказского пленника", издателем которого был тот же Гнедич (никого другого Пушкину найти не удалось). Все это заставило поэта задуматься над финансовыми проблемами, казалось бы, столь чуждыми поэзии.

Решив издавать свои произведения собственными силами, Пушкин продемонстрировал незаурядные деловые качества. Изданием новой поэмы "Бахчисарайский фонтан" занялся по его просьбе П. Вяземский, но он уже действовал не самостоятельно, а был всего лишь доверенным лицом автора. Рукопись приобрел книгопродавец Пономарев за три тысячи рублей. Следовательно, стихотворная строчка стоила пять рублей. Поэму быстро раскупили. Гонорар Пушкина был по тому времени огромным. Вяземский поспешил обнародовать этот факт. Он напечатал "Заметки о "Бахчисарайском фонтане" не в литературном отношении", которые прозвучали как литературный манифест. Преданный друг великого поэта писал: "Появление "Бахчисарайского фонтана" достойно внимания не одних любителей поэзии, но и наблюдателей успехов наших в умственной промышленности... За стих "Бахчисарайского фонтана" заплачено столько, сколько еще ни за какие русские стихи заплачено не было. Пример, данный книгопродавцем Пономаревым, купившим манускрипт поэмы, заслуживает, чтобы имя его, еще не громкое в списках наших книгопродавцев, сделалось известным: он обратил на себя признательное уважение друзей просвещения, оценив труд ума не на меру и не на вес" (цит. по [Гессен, 1930, с. 51]). Понятно, почему выход в свет "Бахчисарайского фонтана" стал переворотным моментом в истории книгопечатания в России. Вяземский с удовлетворением отмечал, что наконец-то русские издатели научились работать "по-европейски". Стоит добавить, что больше ни одна поэма Пушкина не имела столь ошеломляющего успеха.

Этот успех окрылил Пушкина. Ему нравилось быть предпринимателем. Поэт специально выпускал "Евгения Онегина" отдельными главами, так как это давало больший доход, чем издание романа целиком. "Евгения Онегина" он считал своим "вернейшим капиталом". Пушкин упорно придерживался избранной тактики, несмотря на то, что занимавшийся изданием П. Плетнев полагал, что лучше выпустить весь роман це-

ликом одной книгой. Он мотивировал это неизбежными накладками при столь долгом сроке выпуска; к тому же публика могла охладеть к "Евгению Онегину". Действительно, вторая глава романа появилась в продаже после третьей, а четвертая и пятая главы были выпущены одной книгой (правда, по двойной цене). Но Пушкин оказался прав. Финансовый успех превзошел все ожидания, и поэт сразу же приступил к повторному изданию романа, опять же отдельными главами.

На протяжении всей жизни Пушкин никогда не чувствовал себя финансово обеспеченным, но боролся с книгоиздателями не столько за себя, сколько за принцип материальной свободы писателя. Благодаря Пушкину литература в России стала почтенным делом и в денежном смысле. 8 марта 1824 г. (после успеха "Бахчисарайского фонтана") он писал Вяземскому: "Начинаю... думать, что ремесло наше не хуже другого" [Пушкин, 1979, с. 67]. Нельзя не согласиться с парадоксальным утверждением, что "для истории русской литературы гораздо важнее выяснить отношения Смирдина и Пушкина, чем отношения последнего к Анне Петровне Керн" [Гриц, Тренин, Никитин, 2001, с. 211]. Книгопродавцы, платившие Пушкину высокие гонорары, были вынуждены подходить с аналогичными мерками и к другим литераторам. Правда, выигрывали от этого не столько Е. Баратынский или Н. Гоголь, сколько Ф. Булгарин, чей роман "Иван Выжигин" (1829 г.) оказался чрезвычайно ходким товаром.

Шумный успех "Ивана Выжигина" был подобен успеху "Бахчисарайского фонтана" и стал еще одним поворотным моментом во взаимоотношении "словесности" и "коммерции". Современники восприняли творение Булгарина как первый по-настоящему русский роман. Автор "Ивана Выжигина" ориентировался на европейский плутовский роман, но построил фабулу на русском материале. Это определило его успех у читателей, повторить который Булгарину уже не привелось. Надо сказать, что журнальная критика с самого начала сдержанно восприняла роман Булгарина, но это нисколько не помешало его быстрой продаже. В данном случае главным был финансовый успех, а отнюдь не литературный. С годами Булгарину пришлось пережить полное забвение своего детища.

Сам Пушкин не избежал превратностей книжного рынка. Тираж "Истории пугачевского бунта" не был распродан. Журнал "Современник" на первых порах приносил убытки. Но все это частности. Пушкин добился того, что русский литератор ощутил себя достойным членом общества. По общему выражению того времени, литература стала полноценной "отраслью промышленности". В области авторского права Россия оказалась "вровень с Европой". Оплата писательского труда стала обязанностью издателя, а не его прихотью, как часто случалось до Пушкина. В конечном итоге это привело к небывалому расцвету русской литературы XIX в.

У великого поэта был великий предшественник на стезе книгоиздания. Пушкин свято чтит заслуги благородных предков. Более полувека имя Н. Новикова (как и А. Радищева) пребывало под негласным запретом. Пушкин не упускал случая напомнить широкой публике о том, кто "распространил в России первые лучи просвещения". Этими словами он характеризует Новикова в "Заметках по русской истории XVIII века", представляющих собой, по-видимому, сохранившийся фрагмент мемуаров поэта. И. Киреевский был первым, рискнувшим в печати вспомнить о Новикове в большой статье "Обозрение русской словесности 1829 года", занимавшей центральное место в альманахе "Денница". Пушкин поспешил опубликовать в "Литературной газете" развернутую рецензию на альманах, где целиком привел раздел о Новикове, занимавший у Киреевского почти целую страницу. Он специально выделил слова Киреевского о том, что "Новиков... создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению", что "не только вся Европейская Россия, но и Сибирь начала читать". Неутомимая деятельность Новикова принесла замечательные плоды: "Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения *общего мнения*" [Пушкин, 1978, с. 78].

Пушкин хорошо знал творчество Новикова. Его особенно интересовала "Древняя Российская Вивлиофика", явившаяся первым опытом публикации памятников древ-

нерусской литературы. Об этой инициативе Новикова Пушкин собирался написать статью для "Современника". В заметке о новом издании "Словаря святых, прославленных в российской церкви", он отсылает читателя к аналогичному словарю, выпущенному Новиковым. Проводя сравнение между обоими трудами, Пушкин подчеркивает, что полнота, научность и прочие достоинства нового словаря в большой степени стали возможными благодаря работе предшественника.

К концу жизни Пушкин окончательно решился вступить на стезю книгоиздания. Однако первая попытка в области коммерции была вызвана вовсе не трезвым расчетом, а благородным порывом. Как и следовало ожидать, сердечная доброта подвела Пушкина. В 1835 г. он принял горячее участие в судьбе мало кому известного литератора Е. Люценко, связь которого с поэтом обуславливалась тем, что в 1811 - 1813 гг. Люценко был секретарем хозяйственного правления Царскосельского лицея. Пушкин сочувствовал превратностям фортуны старого человека, которого он причислял к своим учителям. Люценко - плодовитый автор, лишенный, однако, даже признаков литературной одаренности. Тем не менее Пушкин решился издать его поэму "Востола, или Желание сердца" (перевод стихотворной сказки К. Виланда) и привлечь к этому делу другого лицеиста - М. Корфа. На титуле книги стояло имя Пушкина как издателя, что вызвало всеобщее удивление. Поэма Люценко была написана "слогом времен Тредиаковского или Сумарокова". Среди читателей возник слух, что в действительности это новое произведение Пушкина, свидетельствующее об окончательном падении его таланта. Ехидный О. Сенковский в своем журнале "Библиотека для чтения" поспешил прозрачно намекнуть, что все это недалеко от истины. Пушкин был крайне раздражен. В первой книге "Современника", вышедшей в апреле 1836 г., он выступил со следующим заявлением: "В одном из наших журналов дано было почувствовать, что издатель "Востолы" хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на книге, им изданной. Обвинение несправедливое: печатать чужие произведения с согласия или по просьбе автора до сих пор никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано. В том же журнале сказано было, что "Востола" переведена каким-то бедным литератором, что А. С. П. только дал ему на прокат свое имя, и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей. Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек небогатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни ни от кого бы то ни было" [Пушкин, 1978, с. 236].

Пушкинские слова о том, что переводчик "Востолы" - человек бедный, но благородный и честный гражданин, прозвучат несколько по-иному, если вспомнить, что Люценко был масоном еще с конца XVIII в. Он активно сотрудничал в литературных журналах 1790-х гг., то есть в эпоху Новикова и Н. Карамзина. Наиболее значительным литературным трудом его был новый перевод знаменитой в масонских кругах книги И. Масона "О познании самого себя" (опубликован в 1819 г.). Люценко стремился заменить старый перевод, принадлежащий перу одного из виднейших русских масонов того времени, отца А. и Н. Тургеневых - И. Тургенева и изданный в 1783 г. По его словам, старый перевод был "наполненный погрешностями" и "темнотами в смысле" [Модзалевский, 1999, с. 557]. Возможно, Пушкин поспешил протянуть руку помощи человеку, которого он считал живой памятью начальных и лучших дней русского просвещения.

Пушкина не смутило, что первый блин вышел комом. Летом 1835 г. он получил письмо от своего приятеля В. Дурова с просьбой помочь издать записки его сестры, знаменитой "кавалерист-девицы" Н. Дуровой. Поэт сразу же откликнулся: "Если автор "Записок" согласится поручить их мне, то с охотою берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то, вероятно, я их куплю. За успех, конечно, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение

загадки должно произвести сильное, общее впечатление. Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему" [Пушкин, 1979, с. 418].

Автор "Записок" поспешила сразу же отправить рукопись поэту. Однако в пути она затерялась и более полугода скиталась между Елабугой и Петербургом, пока, наконец, вернулась к автору. Между тем Дуров отправил Пушкину другую рукопись сестры, озаглавленную "Записки о 12-м годе". В марте 1836 г. Пушкин известил Дурова о ее получении. Он писал: "Я издаю журнал: во второй книжке одного (т.е. в июле месяце) напечатаю я "Записки о 12-м годе" (все или часть их)... Дождавшись других записок... я думаю соединить с ними и "Записки о 12-м годе"; таким образом книжка будет толще и, следовательно, дороже.

Полные "Записки", вероятно, пойдут успешно после того, как я о них протрублю в своем журнале. Я готов их и купить, и напечатать в пользу автора - как ему будет угодно и выгоднее. Во всяком случае, будьте уверены, что приложу все возможное старание об успехе общего дела.

... Прощайте, будьте счастливы и дай Бог Вам разбогатеть с легкой ручки храброго Александрова, которого ручку прошу за меня поцеловать" [Пушкин, 1979, с. 444].

Дурова предложила озаглавить книгу в старомодном стиле прошедшего века: "Своеручные записки русской амазонки, известной под именем Александрова". Пушкин это категорически отверг: "Мнение мое, искреннее и бескорыстное, - оставьте как есть. "Записки амазонки" как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. "Записки Н. А. Дуровой" - просто, искренне и благородно. Будьте смелы - вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое Вас прославило. Полумеры никуда не годятся" [Пушкин, 1979, с. 456].

Подготавливая интерес к будущей книге, Пушкин опубликовал во втором томе "Современника" редакционное предисловие к отрывкам из "Записок" Дуровой. Это своего рода рекламное объявление от имени издателя. Он делал все, чтобы заинтриговать читателя: "Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений - и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная неукротимая склонность? Любовь?..

Ныне Н. А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным" [Пушкин, 1978, с. 271].

К сожалению, Пушкину не пришлось довести до конца издание. Дурова по приезде летом 1836 г. в Петербург передала рукопись своему двоюродному брату И. Бутовскому, о чем впоследствии всегда жалела. Это было сделано под воздействием Плетнева, который советовал ей найти другого издателя, ибо Пушкин слишком обременен многочисленными другими обязанностями и не всегда успешно справляется с ними.

Дурова последовала напутствию великого поэта и смело и решительно вступила на литературное поприще. К концу года оба тома ее "Записок" вышли из печати. Пушкин откликнулся на них благожелательной рецензией, отметившей "прелесть этого искреннего и небрежного рассказа, столь далекого от авторских притязаний, и попросту, с которою пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия" [Пушкин, 1978, с. 333].

История издания "Записок" Дуровой показывает, что Пушкин вырабатывал собственные издательские приемы. Он делал все возможное для обеспечения финансового успеха предприятия, публиковал на страницах "Современника" самые интересные отрывки, стремясь заранее завоевать читателя. Великий поэт был одним из первых, кто оценил возможности издательской рекламы. Он всячески стремился придать цивили-

лизованные формы "литературной промышленности", проявлял себя европейцем в ипостаси не только художника, но и предпринимателя.

Основы взаимоотношений "словесности" и "коммерции", установившиеся в пушкинское время, не претерпели больших изменений на протяжении всего XIX в. Революция и Гражданская война отбросили Россию на столетие назад. 1920-е гг. были свидетелями и баснословной свободы, и феноменального произвола. В сфере "литературного быта" господствовала такая же неразбериха, как и в эпоху до Пушкина и Смирдина. Внести упорядоченность могло только новое неформальное соглашение литературы с властью. Такое соглашение было заключено в 1934 г. на 1-м Всесоюзном съезде писателей. Следует отметить поразительные славословия в адрес И. Сталина, прозвучавшие в выступлениях на съезде самых почтенных и даровитых литераторов. Однако отвлечемся от негативных сторон подобного соглашения. Бесспорно одно: писательская профессия вновь стала уважаемой и высокооплачиваемой. Положительные последствия этого очевидны.

Похожий переходный период переживается нами и сейчас. Слава Богу! Его конец видится в недалеком будущем. Но нельзя не учитывать исторического опыта. Выход из "немысленности" современного "литературного быта" может быть только один - и именно тот, который уже не раз доказал свою действенность. Как ни парадоксально это звучит, но раздающиеся время от времени требования о введении цензуры (неважно, с какой мотивацией) фактически являются требованием законодательного упорядочения литературного процесса. Если прибегнуть к исторической аналогии, то речь идет о новом подобию цензурного устава 1828 г., который бы четко обозначил права и обязанности как авторов, так и издателей. Выход из хаоса может быть только на законодательном пути. Иначе литература вряд ли вновь станет (говоря языком пушкинского времени) полноценной "отраслью промышленности".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977.

Гессен С. Я. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930.

Гриц Т. С., Тренин В. В., Никитин М. М. Словесность и коммерция (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М., 2001.

Модзалевский Б. Л. Пушкин и Ефим Петрович Люценко // *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники. СПб., 1999.

Переписка А. С. Пушкина. В 2 т. Т. 1. М., 1982.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 7. Л., 1978.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 10. Л., 1979.

Рейтблат А. И. Писатели и III отделение // *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. М., 2001.

© В. Новиков, 2005